

Владимир Стрелков **Эрзя. Возвращение в** **Мастораву** **Роман в формате кино**

Посвящаю моей
матери Шифре
Шайкиной.

Часть первая **Вива Эрхентина!**

В столице Республики Мордовия городе Саранске есть музей.

Такого музея нет ни в одной республике Российской Федерации.

Такого музея нет и во всём мире.

Это единственный музей, где в экспозиции собрано большинство работ гениального скульптора Степана Дмитриевича Эрзи.

Таинственные и совершенные скульптуры: «Утро», «Ева», «Леда и Лебедь», «Шёпот», «Материнство», «Узник», «Жертвы революции», «Парижанка в шляпке», «Бетховен», «Лев

Толстой», «Крестьянин-мордвин», «Александр Невский», «Ужас», «Сократ», «Думы», «Отец», «Мать», «Моисей», и... «Автопортрет».

Перед каждой скульптурой, посетители музея, стоят подолгу и молчат поражённые и очарованные необъяснимым и сильным чувством.

Но этот «Автопортрет», сделанный в Аргентине в 1947 году, когда Мастеру шёл 72-й год, и уже 26 лет миновало, как он покинул Родину, это особенный образ.

Голова приподнята. Невыносимая мука в лице. Он как бы вглядывается в небо:

— Что там? Где я? Кто я?

И охватывает оторопь, и невольно погружаешься в это болевое и сладкое чувство сопереживания, будто это ты сам охвачен невыносимой тоской и страданием, и ком в горле, и задаёшь себе эти самые важные вопросы жизни:

— Что там? Где я? Кто я?

«О великом скульпторе Эрзе, о его искусстве, о дорогах его творчества можно говорить долго, всю жизнь», — писал, современник и первый исследователь творчества С. Д. Эрзи, знаменитый итальянский искусствовед Уго Неббиа.

Мы расскажем о самой тяжкой, самой мучительной дороге великого Мастера, о возвращении его домой, в родную Мастораву.

Для незнающих язык, нашу историю и

культуру: «Масторава» — понятие, состоящее из двух эрзянских слов: «мастор — страна» и «ава — матушка».

И не только: Масторава — понятие широкое, всеобъемлющее — это и Родина, и Покровительница народов мордвы, и главное место нашего вечного пребывания... Масторава — мир предков, уходящий вглубь тысячелетий.

**А. Баргов. «Эрзянь озкс» — «Эрзянский молян»,
2001 г.**

Бледное, неяркое небо над Среднерусской равниной.

Солнце в вершине величественного языческого храма, где своды — купол лазоревого неба, пределы — распахнутый пейзаж Алатырского Засурья, храмовый зал — обширная поляна — кереметь, окружённая лесом.

В центре её, как амвон — курган с могучим

тысячелетним белым деревом со золотой цепью на ветвях, который берёзой-то не назовёшь, но это Отец всех берёз: Килейне — центр эрзянского мира, Древо Жизни.

Поют, поют, заполняют Вселенную волынки-пувамы, скрипки-нюди, отбивают ритмы шавомы, и вторят пентатонике Эрзянского Моляна нестройным эхом Священная Роща — Репештя, а дальше, а дальше поют бескрайние мордовские леса.

Пылает костёр у подножья древнего Килейне.
Клубится дым и пар из больших котлов.

И медленно, плавно седобородые предки Атят Покштят в снежных одеяниях подводят к костру белого прозрачного коня.

Эрзянский пророк Шкамарав, такой же могучий и древний, как сам Килейне, бородатый, бровастый, с орлиным носом, обливает его водой из берестяного ведра. Вода медленно струится по крупу серебряными шарами-каплями, оседает в траве.

Жеребец вздрагивает и тихо беззвучно ржёт, но не рвётся, а спокойно и без страха смотрит на Шкамарава.

Пророк ласкает тёплыми, широкими ладонями коня и незаметно для него делает безболезненный укол жертвенным ножом.

Шкамарав, обернувшись на восток,

произносит имя эрзянского Бога:

— Ине Шкай паз! Самс эрзянь!

И жеребец, ставший священным животным, умирает.

Синий туман стелется по изумрудной траве поляны-кереметь.

Тысячный хор эрзян подхватывает:

*Эрзянь озкс! Эрзянь озкс!
Кенярдомс! Минь эрзяне
Адядо шка, эрямо! Азёдо,
Азёдо, Азёдо покшчи!
Азёдо шка! Ярямс!*

*Бог наш живой и вечный
ВЕЛИКОЕ ВРЕМЯ! Эрзяне
молитвой приветствуют тебя
и славят! Идите в праздник!
Идите во время! Радуйтесь!*

Медленно движутся, вокруг кургана с Килейне эрзяне-мужчины в белых одеждах.

И второй круг шире — женщины-эрзянки...

Плывут, плывут в древнем, магическом танце. И сквозь их прозрачные тела просматривается поляна, лес, деревья, костёр с искрами, летящими в дневное небо.

А третий круг в небе — радугой кружатся

медленно и плавно большие разноцветные прозрачные птицы. Их много.

И вот одна, самая большая, самая красивая и яркая птица отделяется от всех и летит на тебя. И в её широко открытых человеческих глазах отражается Эрзянский Молян.

Улетает лазоревая птица.

Двигается бесконечный круг сестёр, братьев, тёток, дядьёв, отцов, матерей, дедов, прадедов, пращуров. Весь народ мордовский движется в медленном танце жизни.

Движения замедленны, можно взглядеться и запомнить лица.

Какие прекрасные мужественные лица мордовских мужчин!

Какие прелестные нежные лица мордовских женщин!

Обступают, кружат, мятущиеся и умиротворённые, тоскующие и созерцающие, любящие и страждущие!

Летит, летит над Алатырским Засурьем, над мордовскими лесами, большая лазоревая птица.

Летит над миром прозрачная птица Масторава.

Это сон.

Глава первая

Рождение Мастера

*АРГЕНТИНА. БУЭНОС-АЙРЕС.
МАСТЕРСКАЯ И ДОМ СТЕПАНА
ЭРЬЗИ. ВЕСНА. УТРО.*

В полутёмной аргентинской мастерской спят эрзянские лики из его сна, и глаза их закрыты. И сон их вечен. Эрзянские лики из альгарробо, кебрачо, урундая, аргентинского дерева, что твёрже железа.

И спит Мастер, сделавший их своими руками, в маленьком домике- пристройке, рядом с мастерской, в комнатке, похожей на матросский кубрик, где на скошенной стене висят большие фотографии каких-то гор и лесов.

Укрывшись полосатым пледом, спит на походной кровати, под серой противомоскитной сеткой скульптор Степан Дмитриевич Эрзя.

Кончается душная тропическая ночь. В комнату вползает знойное аргентинское утро.

Жарко.

Ему видятся сны, как забытая явь.

Родился 28 октября 1876 года. Село Баево. Мордовия.

*РОССИЯ. МОРДОВИЯ. БАЕВО.
ОСЕНЬ.
СОН И ЯВЬ.*

Эрзянская баня по-черному: густо, жарко натоплена.

Чтобы не было угара, верхнее окошко открыто.

Свет от фитиля в плошке с конопляным маслом.

От огонька — блички-звёздочки на мокрых брёвнах стен, в деревянных бадейках.

Поддаёт, плещет кованый ковш на раскалённые камни.

Ароматный пар от пивного сусла взвивается в красную, шевелящуюся мглу, плывёт в радуге искр, обвивает большие голые горячие женские тела, влажные овалы плеч, шары грудей, животов, бёдер...

Лиц нет. Лица где-то во тьме, неразличимы в потном мареве.

Детский крик. Ребёнок лежит на соломе. Рядом пахучие рябиновые и дубовые веники в деревянных бочонках.

Ребёнка купают в корыте для замешивания хлебов, куда повитуха бросает серебряные монеты. Монеты сверкают, пузырятся, пускают в клубящийся пар мгновенные лучики.

Розовые, полные, широкобёдрые, большеногие женщины с распущенными мокрыми волосами. Прекрасные женские тела.

Вот откуда его будущая страсть к изображению красоты женского тела, большого, плодоносящего, несущего в себе новую жизнь, вот откуда постижение им тайны красоты Божественного сотворения. Оно вошло, впиталось в него первозданным творческим чувством помимо младенческого сознания.

Из облака пара, сама, как нежное пахучее облако, может это мать, или тётка, лица он не видит, видит розовое бедро и светло-русое лоно.

Мягкие, большие руки моют его маленькое тело.

И над лицом свисают, касаются его щеки, носика шары груди с крупными упругими сосками, рассыпавшиеся по бело-розовому телу золотые волосы.

Руки вынимают его из корыта и вытирают, и прижимают к горячему упругому животу, и пунцовые губы целуют его, и он видит сияющий голубой глаз.

Ему кажется, что он помнит, помнит, как пела мама:

*Кого мы моем-полоскаем?
Зайчонка? — нет!*

*Бельчонка? — нет!
Лисёнка? — нет же!
Так кого же мы моем-полоскаем?
Цёрыне, Стёпушку, нашего
любимого, самого красивого,
самого-пресамого маленького —
пока-а-а, самого-пресамого
великого, да известного — потом!*

И он плачет во сне.

Стариковские слёзы счастливого детского сна.

Сегодня. 28 октября 1946 года ему исполнилось 70 лет.

*АРГЕНТИНА. БУЭНОС-АЙРЕС.
ВЕЧНА. УТРО.*

И. просыпается, сидит на кровати, кашляет и шепчет про себя:

— Кто же это? Мама? Нет. Это тётя. У мамы глаза были карие. У тёти голубые или нет: у мамы голубые... Забыл, забыл, какие глаза у мамы... были. Старый пёс Леон, спавший на коврике, рядом с кроватью, тоже встаёт, потягивается, смотрит на хозяина.

Хозяин, коренастый, сильный, как все скульпторы на свете (какие они глыбы и корни таскают, работают в мраморе, в бетоне, чугуне!), сам похожий на кряжистый корень. Мощные плечи,